Виталий Капустянский

В поисках праздника

Виталий Константинович Капустянский
В поисках праздника

ABBYY PDF Transformer+
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23597738
В поисках праздника / Капустянский Виталий Константинович:
Столица; Москва; 2016
ISBN 978-5-906863-38-6

Аннотация

Мой рюкзак был почти собран. Беспокойно поглядывая на часы, я ждал Андрея. От него зависело мясное обеспечение в виде банок с тушенкой, часть которых принадлежала мне. Я думал о том, как встретит нас Алушта и как сумеем мы вписаться в столь изысканный ландшафт. Утопая взглядом в темно-синей ночи, я стоял на балконе, словно на капитанском мостике, и, мечтая, уносился к морским берегам, и всякий раз, когда туманные очертания в моей голове принимали какие-нибудь формы, у меня захватывало дух от предвкушения неизвестности и чего-то волнующе далекого. Моя входная дверь не запиралась, когда я был дома, и поэтому, с грохотом ударившись о тумбу для обуви, она возвестила мне о том, что, втиснувшись в мой узкий коридор, вошел Андрей…

Виталий Капустянский
В поисках праздника

Посвящается Оле и Владимиру

Текст публикуется в авторской редакции.

Мой рюкзак был почти собран. Беспокойно поглядывая на часы, я ждал Андрея. От него зависело мясное обеспечение в виде банок с тушенкой, часть которых принадлежала мне. Я думал о том, как встретит нас Алушта и как сумеем мы вписаться в столь изысканный ландшафт. Утопая взглядом в темно-синей ночи, я стоял на балконе, словно на капитанском мостике, и, мечтая, уносился к морским берегам, и всякий раз, когда туманные очертания в моей голове принимали какие-нибудь формы, у меня захватывало дух от предвкушения неизвестности и чего-то волнующе далекого. Моя входная дверь не запиралась, когда я был дома, и поэтому, с грохотом ударившись о тумбу для обуви, она возвестила мне о том, что, втиснувшись в мой узкий коридор, вошел Андрей.

– Ты готов? – с трудом опуская рюкзак, спросил он.

– Слушай, времени в обрез. Давай быстро разделим банки и – вперед.

Андрей согласился со мной и, расшнуровав рюкзак, начал извлекать из него банки с тушенкой, но ни одну банку он сразу не отдавал, а лишь расхвалив те или иные достоинства, словно они являлись ему родственниками по той или иной линии, он передавал их мне. Разделив банки, мы затянули рюкзаки и оставили их ненадолго в покое, я достал паспорт и вложил в него железнодорожные билеты и деньги. На часах было двадцать три сорок; переглянувшись с Ан-

дреем, я напоследок оглядел комнату и, вздохнув, закинул на колено рюкзак. Ночь, сгустив свои краски, сопровождала по одинокой улице двух совершенно разных южных туристов. Словно на ваших глазах происходило столкновение разных стилей, я был одет в спортивные штаны, белую футболку и синюю куртку, мои плечи давил станковый, пятидесятикилограммовый рюкзак, и мои кроссовки оставляли отчетливые следы на земле. Серая шляпа с лихо загнутыми полями венчала длинноволосую голову Андрея, его лицо с залихватскими усами напоминало хитрого гусара, хвост волос, обогнув шею, скрывался в недрах овчинного тулупа, под которым шли вельветовые ноги в ботинках на тракторной подошве. Если сказать несколько слов об Андрее, то он в некотором роде являлся той свободной личностью, которая чувствовала нетерпимость к малейшему проявлению насилия над его самобытной природой. Он умел играть на гитаре, аккордеоне и саксофоне и обладал тонким чутьем на грандиозную пьянку. Пил он много, но всегда при этом выдерживал осанистый вид, словно от него многое зависело. На женщин, обладавших телесной индивидуальностью, он выражал бурную реакцию, начиная метаться и восклицать. По дороге Андрей сообщил мне, что паспорт он не взял и что, в случае чего, объявит себя бродячим музыкантом. Дойдя до металлического скелета автобусной остановки, мы прижались к ее ребрам тяжелыми рюкзаками. Андрей стал жаловаться мне, что рюкзаки оказались очень тяжелые, и я вновь убедил его

в том, что лучше запастись продуктами сразу, чем бегать в незнакомом городе в поисках еды. Убеждая Андрея, я увидел в конце темной улицы два желтых знакомых огня. И через минуту мы ехали в громыхающем автобусе на станцию. На вокзале нас ждали Володя и Олег, у них были небольшие рюкзаки и спортивные сумки. Они встретили нас, как полярников, собирающихся ехать на зимовку, особенно это относилось к Андрею.

– Феноменальные рюкзаки! – воскликнул Володя.

– Они решили открыть новую землю, – смеясь, сказал Олег.

– Андрей, полярная станция ждет тебя, – вытянув руку вверх, сказал Володя.

– Хватит шутить, нам пора в дорогу, дачники, – сказал я и шагнул в вокзал.

Путь к платформе проходил через железнодорожный деревянный мост, подъем по которому с тяжелыми рюкзаками оказался нелегкой задачей. Андрей снова запричитал, благословляя меня такими словами, которые произносим мы в момент постижения тяжелой истины. Это была первая проверка на прочность наших молодых мускулов. Мост был тем последним звеном, что соединяло нас с нашим городом. Словно цветные карандаши, разбросанные по полу, мы были собраны невидимой рукой судьбы в одну тесную стопку. И сейчас черный океан ночи уносил нас в то сладостно-неизвестное и далекое, то, к чему так стремились, наши моло-

дые, изголодавшиеся души, к желанному, южному побережью, овеянному морским дыханием. И чтобы навсегда сохранить яркие картины южной жизни, я захватил свой квадратный фотоаппарат «Любитель». Последняя, ночная электричка, словно большие ножницы, разрезала черный бархат таинственной ночи своим ярким светом, она привезла нас к главному причалу нашего путешествия. Курский вокзал встретил нас огнями и гулом голосов, светящиеся буквы высвечивали загадочное «Моква» вместо Москва, словно мы попадали в один из южных городов, что придавало всему желанную неизвестность. Поезд отходил в три часа ночи, и нам предстояло ожидание в течение двух с половиной часов. Опустив рюкзаки на теплый пыльный асфальт, мы познакомились с тремя спутниками, которые давно ожидали нас со скучными физиономиями.

– Саша, – сказал парень, одетый в спортивный костюм, на котором красовался герб «Сборная СССР».

Крепко сложенный, со скуластым и открытым лицом и волосами, зачесанными назад, он добродушно протянул мне руку.

– Виктор, – крепко пожимая руку, ответил я.

– Женя, – ответил второй спутник, который являлся полной противоположностью своему товарищу.

Худощавый и длинноносый с кучерявой шевелюрой на голове, он выделялся от остальных спутников едким юмором.

– Хорошие у вас рюкзаки. Ребята тренируются, ну что же,

это их право, кому-то отдых, а кому-то тренировки, это правильно. Мне это нравится, – сказал Женя, двумя руками пожимая руку недовольному Андрею.

– Семеныч, – сказал третий спутник.

Его имя было принято нами единогласно. Крепкие накаченные ноги выдавали бывшего велосипедиста, все его лицо и тело покрывали веснушки, отчего хотелось пошутить, назвав его муравейником на двух ногах. Добавим к его внешности добродушное, чудаковатое поведение и этот первобытный смех, гортанные звуки которого шли из неизвестных никому недр, от которого все тело дергалось в радостных конвульсиях. После увесистого рюкзака я почувствовал себя голодным, но выпады Андрея вынудили меня остаться в компании.

– Я предлагаю выпить за отъезд. Надо, надо, надо, – нараспев повторял он.

– Андрей, я думаю, здесь не место для пиршества. А кроме того, нам нужно сесть в поезд нормальными людьми.

– Между прочим, это историческое место, отсюда уезжал дедушка Ленин, – иронизировал Женя.

– Андрей, осталось совсем немного до отъезда. Ну, неужели нельзя потерпеть, – убеждал я.

– Все будет нормально. Никто не напьется, так что иди и смело подкрепляйся, не переживай, – заверил меня Саша.

Быстрыми шагами я миновал платформу и влился в блуждающую массу людей и очередей. Недолго думая, я подклю-

чился к одной очереди, и скоро молодой человек в синем халате извлек из стеклянного лотка четыре бутерброда с копченой колбасой. Расплатившись, я встал в очередь за шипучей фантой. И, получив холодный стакан оранжевой жидкости, я смачно жевал бутерброд, оставляя на колбасе отчетливые отпечатки своих пальцев. Мой сытый глаз выхватывал наиболее ярких людей. То это был казах в тюбетейке и пестром халате, гордо облизывающий мороженое. То женщина с пышным хвостом волос, одетая в белую марлевку и джинсовую мини-юбку, обладательница длинных, красивых ног. То группа цыган с их вечно грязными детьми. Окончив вокзальный ужин, я зашел в кооперативный туалет и, вымыв тщательно руки, несколько раз освежил холодной водой лицо. Теперь я был удовлетворен и поэтому не спеша сушил руки и слушал разговор симпатичной девушки, дежурившей в кабинке, сидя за кассой, с молодым человеком. Он уговаривал ее куда-то пойти, а она всякий раз, когда он настойчиво смотрел ей в глаза, отворачивалась, пожимая плечами. Так, замечтавшись, я вдруг вспомнил, что неплохо бы узнать, который час. Оставив пару в нерешенном положении, я покинул туалет и вышел за пределы душного зала.

Проходя мимо темного газетного киоска, мой взгляд остановился на электронных часах, входивших тогда в моду, синие цифры показывали время, месяц и год. Шел тысяча девятьсот восемьдесят восьмой год, вглядываясь в две бесконечности, я и не предполагал, что они предвещают мне бес-

конечную, бесконечную и бесконечную…

Мой приход никого не удивил, но и не порадовал, каждый жил своей жизнью, но глаза будущих южных туристов были наполнены не только ожиданием, а еще чем-то неизвестным и неиспробованным мной.

– Все-таки не удержались, выпили. Молодцы! – сказал я.

– Короче, Виктор, мы отдыхаем или нет? – взорвался Андрей.

– Да, это сильный отдых, – сказал я.

После моих слов Семеныч разразился гортанным смехом, окидывая всех нас глазами.

– Виктор, мы сами разберемся, что нам делать. Не надо нас учить, – парировал мои слова Володя.

– Я тоже не понимаю, куда вы спешите, водку надо экономить. Лично я не собираюсь бегать за ней в Алуште, – заявил возмущенный Олег.

– Ну, все, хватит, надоели, что в милицию кто-нибудь попал. Вот расстонались, – сказал Андрей и, поднявшись с рюкзака, пошел по платформе.

– Этого еще не хватало, – бросил я ему вслед.

– Виктор, ты так говоришь, словно здесь все маленькие, а ты один взрослый, – заключил Володя.

– Дядя Витя, возьмите меня на юг. Я буду вам сапоги чистить и за папиросами бегать, – схватив меня за руку, плачущим голосом заговорил Женя.

Я, улыбаясь, вздохнул, что поделаешь, нам было тогда

двадцать семь лет. Вглядевшись в ночную даль, я увидел огни нашего поезда. Змеевидное тело нашего корабля медленно приползло к низкой платформе; отыскав седьмой вагон, мы остановились возле его подножки, и из вагона спустилось существо, похожее на объемистого робота-няню – это была обыкновенная проводница. Она выполнила свои обязанности, и будущие туристы, забравшись в вагон, заняли плацкартную каюту. Места оказались неплохие, я сразу занял верхнюю полку против движения поезда, Андрей расположился напротив, Саша под ним, а Володя под моей полкой, за перегородкой расположились Женя, Семеныч и Олег. Я быстро застелил сыроватую простынь и, раздевшись, улегся отдыхать. Подпирая голову рукой, я наблюдал, как Андрей и Саша возятся со стаканами и закуской, останавливать их было бесполезно. Они так громко говорили, что стеливший простынь лысоватый, пожилой мужчина, занимавший нижнее боковое место напротив нас, сказал им:

– Ребята, меньше пустых слов.

Его бас так развеселил меня, что я тут же внес дополнение в его реплику.

– Больше полных стаканов.

По соседству со строгим мужчиной, на нижней боковой полке, устроились молодожены. Плечистый молодой человек в клетчатой рубашке и светлых брюках держал на коленях юную жену, и она, как маленький ребенок, смирилась с неизбежной ручной кроваткой, за пределы которой ее не

выпускали. Утомительные сборы, тяжелый рюкзак и слишком поздний час сделали свое дело, я словно провалился в черную дыру сна.

Утро обдало меня теплым, хлебным воздухом, и первое, что я увидел, был семейный дуэт в излюбленном положении. И вдруг передо мной предстала картина художника Бахуса под названием «Странствующий рыцарь в пути», я так расхохотался, что ударился головой о верхнюю полку, но это не остановило меня, и я продолжал хохотать и хлопать себя по коленям. И тогда улыбающийся молодожен весело рассказал мне о ночной оргии.

– Ну что, еще раз за отъезд, – говорил Андрей, наполняя третий стакан.

– Давай, – ответил Саша.

Они сомкнули граненые стаканы, и их отраженье мелькнуло в окне в виде зловещей улыбки, и каждый по-своему выпил.

– Так ты в сборной? Я что-то не понял… – спросил Андрей.

– Да это так, для солидности, производит впечатление, – кусая зеленый лук, сказал Саша.

На откидном белом столике, застеленном газетой, стояли граненые стаканы, пустые осиротевшие бутылки и начатая бутылка столичной водки, лежал зеленый лук и криво нарезанный белый хлеб, еще валялись желтые пробки, блестев-

шие от ночного освещения.

– Вот Виктор, молодец, сразу лег, быстро… Чувствуется, спортсмен, – растягивая свою речь, говорил Саша.

– Да с ним давно все ясно. Виктор, ты спишь? – задрав голову вверх и стукнув по полке снизу, говорил Андрей. – Спит покойничек, – растягивая речь, заключил он.

Володя, поглядев на Андрея, засмеялся, он давно находился в заторможенном состоянии, но это действие привело в движение один из клапанов его души.

– Давай еще выпьем, – наливая в стаканы, говорил Андрей. – Володя, а ты что откалываешься?

Володя молча замахал рукой, его глаза слипались, он чувствовал, что его куда-то уносит, и все движения бравых гуляк он видел в замедленном темпе.

– Андрей, оставь его, ему хватит, – сказал Саша.

– Нет, ты будешь пить, – сказал Андрей и, обняв Володю, повалился с ним на матрас.

– Ребята, прекращайте, сами не спите и другим спать не даете, – вмешался строгий мужчина.

– О, отец, давай с нами. У нас все есть, нужен только третий друг, – приглашая жестом вытянутой руки, сказал Андрей.

– Как тебя зовут-то? – спросил Саша.

– Сергей Палыч, – сказал он, подкашливая и, видимо, соображая, а почему бы не выпить, собственно говоря, на дармовщинку.

Протерев глаза, он подсел к пирующим ребятам и принял полный стакан. Он действительно не мог уснуть, находясь поблизости от таких дюжих молодцов, и Сергею Палычу показалось, что если он действительно примет на сон грядущий, то сон сам снизойдет на него. Тем более этот неожиданный отъезд, телеграмма, тревоги жены по поводу заболевшей матери, все это мешало его мучительному желанию поскорее уснуть.

– Ну, Палыч, давай, чтоб все было путем, – радуясь новому компаньону, сказал Андрей.

– Ребята, только давайте потише, потише, – вытирая губы, сказал Сергей Палыч.

– Да, все путем, Палыч, – заговорил Андрей и запел: – Блестящие тускнеют офицеры, как говорится, Боже дай нам…

– Ну, вот и вы туда же. А еще взрослый человек, – вмешалась проводница, которой не раз жаловались пассажиры.

– О, кто к нам пришел, Джульетта, – сказал Саша и схватил проводницу там, где должна находиться талия.

Она грубо прервала любовные нападки Саши и заявила:

– Если вы не прекратите, я позову милицию.

– Андрей, нас здесь не любят.

На время веселая компания затихла, молодожены не спали, но у них были на это свои причины, и все же новоиспеченный муж поглядывал в сторону гуляк. То ли ему чего-то не хватало, то ли нежные прикосновения молодой жены вы-

зывали в нем одно желание, но многолюдный плацкарт мешал это реализовать, то ли оттого, что в нем просыпались воспоминания его холостой жизни, которые хранятся до времени в закоулках нашей памяти. И лишь когда основательно размякший гость, нагруженный по самую завязку, наш уважаемый Палыч, возвращался на свою желанную постель, в сопровождении двух гусаров. Наш молодой супруг решил оставить ненадолго жену и присоединиться к данному полку. Он заботливо помог уложить на подушку ослабевшую голову Палыча и как-то естественно влился в радушную компанию.

– Куда едешь, а? – спросил Андрей, наливая водку.

Саша, словно цветок, возложил зеленый лук на белый хлеб и передал свое творение молодожену.

– Спасибо. Да у нас медовый месяц, – улыбаясь в сторону жены, ответил он.

– А мы, между прочим, обратили внимание, – расплываясь в пьяной улыбке, махая рукой девушке, внимательно следившей за действиями мужа, сказал Саша.

– Давай к нам, да чего там, да чего там. Ну, – поднявшись в полный рост, зазывал Андрей.

– Ничего пошла, – моргая, сказал Саша.

– Да, хорошо. Да не надо, пускай отдыхает, – успокаивая Андрея, сказал молодожен.

Вагон давно погрузился в сон и, монотонно постукивая колесами, уносил своих пассажиров в то неизвестное и далекое. Конечно, его желудок переваривал и не таких пасса-

жиров, но сейчас он явно испытывал несварение своего желудка, и поэтому дежурное освещение в его отсеках нервно помигивало. И три голоса, звучавших в его утробе, снова уменьшились до двух. Неизвестно почему, наш молодожен поднялся и, махая двумя руками, отправился к жене. То ли потому, что она его несколько раз отзывала, то ли потому, что он не рассчитал силы, а может, ему именно теперь не хватало ее ласки, но главное не это, а то, что все они оказались жертвами нетерпения к происходящему.

– Ну, что, все они оказались слабаки по сравнению с нами, – победно оглядев вокруг, сказал Андрей.

Мускулистой, резкой рукой он поднял со стола бутылку столичной и, сощурив глаза, попытался разглядеть свое отражение в темном окне, кто-то зловеще улыбнулся ему из окна, и Андрей, ударяя горлышком бутылки о стаканы, наполнил их водкой.

– За нас с тобой, – сказал он и залпом осушил стакан.

Саша расслабленной рукой поднес стакан к губам, но они были так тяжелы, что раздвинуть он их не мог, и в рот просочилась тоненькая струйка, а остальная огненная жидкость полилась на подбородок и грудь.

– Ну, ты хорош.

– Андрей, я мог… но я все…

Андрей помог ему раздеться и, уложив на сбитую простынь, оставил в покое. Взгляд Андрея, преломляясь в стекле бутылок, терялся в светлеющем окне, в одной руке он дер-

жал бутерброд с луком, в другой стакан недопитой водки, струйкой которой был окончательно сломлен Саша. Неожиданно очнувшись, он сел, сохраняя спину прямой и, выдохнув, выпил гусарский бальзам. Скинув с себя одежду, Андрей остался в белых, узких трусах и босиком, хвост волос распался, внеся что-то дикое в его лицо, в мышцах пульсировали пьяные вены, мгновенье – и казалось, что он закричит, как Тарзан, но, гордо расправив плечи, он вышел на плацкартную дорогу.

Посетив вагонный туалет, он вышел на середину вагона и громко заявил:

– Ну, кто еще будет пить?

И этот вопрос, облетев весь вагон и вернувшись без ответа к Андрею, убедил его в том, что он остался один. И, словно обессилевший под конец боя воин, он направился к полке странствий и сна.

Так вот, когда утро обдало меня теплым хлебным воздухом, я увидел физиономию Андрея, опирающегося на кожаный угол полки и выглядывающего в открытое окно; на его опухшем лице из напряженного подбородка исходила такая гримаса тоски и страдания, что человеку, неожиданно увидевшему его, невозможно было удержаться от смеха. И поэтому сказать что-то однозначное, что этот человек перенес или переносил, было невозможно. Длинные, пепельные волосы Андрея, выпавшие за окно, развевались на теплом ветру, напоминая мне морского капитана, который стоит на мо-

стике и напряженно смотрит в расплывающуюся даль, что казалось: вот-вот, и он примет важное решение, от которого корабль не поплывет, а просто взлетит над морем. Но оставим ненадолго Андрея и опустимся взглядом ниже, то там, на целлофановой, измятой поверхности, свернувшись калачиком, в луже неизвестно откуда взявшийся жидкости, дрожа мускулистым телом с неподражаемым мужеством, спал в одних полосатых плавках наш сборник Саша. Проходящие пассажиры весело посмеивались при виде наших гладиаторов. Сладко потянувшись, я спрыгнул с полки на свои кроссовки, и тут я увидел еще одну деталь, не сказать о которой я не могу. После похождений Андрея по плацкартной дороге, его подошвы были черны, как прошедшая ночь. И пассажиры, проходящие мимо, при виде Саши улыбались, но натыкаясь на вызывающе торчащие пятки, морщась, пятились, как при артобстреле. Когда трезвая часть будущих южных туристов умылась и позавтракала, взбодрившись, насколько это возможно, дорожным чаем, который разносила робот-няня, как показалось мне, а может, Джульетта, как показалось Саше, хотя на самом деле это была наша уважаемая проводница, в черной юбке и голубой рубашке. И мы неслись во времени на стальных колесах в такое неизвестное и желанное, наши пьяные аргонавты постепенно стали оживать, после ночной оргии. Первым очнулся капитан дальнего водочного плаванья, его опухшее лицо перекосилось еще больше, и он гордо принял то важное решение. Втянув больную го-

лову в амбразуру вагона, Андрей принял позу молодого орленка перед полетом и, так застыв в ней, мучительно ощущал себя во времени и в пространстве, в этом сложном и пребывающем в вечном движении мире. Покряхтев, он слетел с полки странствий, и первое, на что он обратил внимание, это были стеклянные гильзы без сногсшибательных зарядов. Андрей взглянул на мою улыбающуюся физиономию и, сморщившись, обратился к Володе:

– Слушай, надо пить.

Обернувшись назад и взглянув на Сашу, Андрей взорвался от смеха. Саша по-прежнему продолжал дрожать и Андрей, хлопнув ладонью по его мускулистому плечу, растормошил нашего Геракла. Издав несколько мычащих звуков, Саша открыл глаза и некоторое время соображал, где он находится. Усевшись на клеенке, он никак не мог понять, почему под ним сыро и что с его глазами. Смех Андрея вывел его из равновесия, и Саша вытащил из под себя клеенку с водой, опрокинув ее на пол. Клеенка мягко приземлилась на пол, истекая водой, Володя, поджав под себя ноги, улегся на матрас, Андрей, пятясь от лужи, мгновенно взлетел на продуваемую полку странствий.

И в тот момент, когда все заняли свои полки, наш уважаемый Палыч, подперев лысеющую голову рукой, смотрел в пол мутным и тоскливым взглядом. И вдруг порыв жидкости, растекающейся по полу, нашел в нем неизвестный отзвук, и Палыч ответил ему взаимностью.

– Ну вот, допились, я предупреждала, – неожиданно появившись, сказала проводница.

Две разных жидкости встретились и остановились, проникая одна в другую, но проводница, летя с тряпкой, успела остановить, это безобразие и слияние не состоялось. Она поставила перед ослабевшим Палычем ведро с мутной водой и, отодвинув с прохода намокающую тряпку ногой, удалилась. Палыч вяло макал тряпку в воде и, как робот, водил ей по полу, затем, брезгливо отворачиваясь, выжимал в ведре. Андрей весело уселся на полке, свесив перед лицом Саши черные подошвы.

– Нет, так нельзя, надо пить, надо пить, – твердил свою молитву Андрей.

Володя подсмеивался над черными пятками Андрея, Саша сидел в позе лотоса, привлекая внимание проходивших пассажиров, он, словно роденовский мыслитель, двумя руками сжимал больную голову. А я, вытянувшись в удобной позе на матрасе, наблюдал за нашими Тарзанами, один в моем воображении всю ночь бегал по раскаленным углям, другой, наломав дров, носился за недоступной Джульеттой и колотил себя в мускулистую грудь.

– Палыч, ты будешь пить? – спросил Андрей.

– Нет, нет, нет, – словно по нарастающей кривой, заговорил он.

И словно проснувшись, Палыч агрессивно заработал тряпкой, ему было очень неудобно, что все это случилось с

ним и что чувствует он себя отвратительно. Для трезвых аргонавтов наступал обед, а наши Тарзаны еще и не завтракали.

Я спрыгнул с полки на свои кроссовки и извлек из рюкзака банку китайской ветчины, огурец с помидором и половинку дарницкого черного хлеба. Убрав остатки ночной трапезы, я постелил свежую газету и ножом вскрыл банку.

– Слушай, давай попьем чайку для начала, – предложил Андрей.

Саша перестал мять голову и выглянул на проход, ища проводницу. Она разносила новую порцию чая. Андрей спикировал на полку к Саше и возмущенно произнес:

– Мы с тобой пьем, как дураки, а Виктор все время ест, что за дела?!

– Ешь, кто тебе не дает, – сказал я и придвинул банку к себе.

Андрей, словно шаолиньский монах, срывающий кору с дерева, вырвал кусок хлеба и подхватил красный круглый помидор.

– Нам четыре стакана, – жуя, сказал Андрей.

Проводница ловко поставила стаканы с чаем на столик и, уходя, сказала:

– Вам нужно одеться, так в поезде не ездят.

– Андрей, разве мы не одеты? Я что, похож на Адама? – заговорил Саша, вновь обретая себя. – Разве это чай, это помои. Я сейчас вылью ей на голову…

– Прекращай, посмотри, на кого ты похож, – вмешался Женя.

– А ты вообще молчи, пить не давал, – все больше воодушевляясь, заводился Саша.

– Да нас тут за идиотов держат. Вместо чая туфту подсовывают, – взорвался Андрей, окончив жевать.

Словно наш стремительный поезд на полной скорости влетел в таинственный Бермудский треугольник, который родил отрицательный разряд, и голодные аргонавты Орфей и Геракл ожили, подпитанные темной силой.

Прополоскав горло чаем, они, словно полководцы, сдвинули в сторону стаканы с сомнительной жидкостью и, сорвав золотую печать (естественно, не со свитка) со столичной бутылки, налили в граненые стаканы прозрачной и губительной для них жидкости. Длинноволосый Орфей, а может шаолиньский монах, нарезал белого хлеба. Геракл достал из рюкзака большие красные помидоры, и вновь к нашему «Арго» стали подступать штормовые волны, предупреждая, что на пир едет Посейдон в обнимку с Бахусом на морской колеснице. Забросив в морские волны царский трезубец, он держал в руке пенящийся кубок. Андрей сидел рядом с Сашей, закинув ногу на ногу, пепельный хвост волос, как у девушки, лежал на груди, в руке он держал граненый стакан с колыхающейся водкой. Саша сидел в лотосе и пьяным взглядом бродил уже где-то там, в облаках святого Олимпа.

– В Алуште мы только с тобой. Они нам не чета, – махнув

рукой наотмашь, сказал Андрей.

– Андрей. Выхожу один я на дорогу… – пытался начать Саша, но всякий раз сбивался.

– Нет, ты скажи, мы будем с тобой, – допытывался Андрей.

– Ночь тиха, улыбка внемлет Богу, – кивая, соглашался Саша.

Звучный голос Геракла бился о качающиеся стенки вагона. Палыч, словно бродяга, испуганно жался в уголке, Орфей часто вскидывал руку над головой, и теплая водка проливалась на его белое плечо, а над головами аргонавтов носился опьяневший Посейдон в обнимку с Бахусом.

– Вы, наконец, оденетесь, или нет? И прекратите пьянствовать, скоро Запорожье, я вызываю милицию, – отчеканила проводница.

– Вам не нравятся эти стихи? Я могу прочесть сонеты Шекспира. Стойте, Адам будет читать сонеты.

Мимо проводницы проскрипел сгорбившийся Андрей в направлении туалета, шел он в одних белых трусах, поэтому ему вслед летели разные по форме и содержанию слова. Проводница действительно связалась с милицией, и наш поезд подъезжал к злополучной станции.

– Андрей, это же общественный транспорт, а не твоя квартира. Пора, наконец, понять, сколько можно испытывать терпение проводницы, – сказал я.

– Вы пьете, а с вами и нас заберут. Володя, что ты накрыл-

ся одеялом, это не поможет, нечего теперь тихим прикидываться, – возмущался Олег.

– Доигрались, сейчас мы вас сдадим, голубчиков, в каталажку, – потирая руки, язвил Женя.

– Значит так, хватит тарзанить, одевайтесь и затихните, хотя бы на время, – отрезал я.

– А не то сдадим вас тепленьких, а они уж найдут для вас холодненькую, – не унимался Женя.

Орфей и Геракл облачились в свои хламиды и постарались изобразить на лицах некое достоинство, окутанное водочным туманом. Змеевидное тело поезда плавно остановилось у низкой платформы, и Посейдон с Бахусом, еще немного покружив над поездом, куда-то исчезли. Орфей с Гераклом затихли, словно перед боем, а бродяга Палыч припал в ожидании к окну, с тайной надеждой в душе, что буйных соседей высадят, избавив его от неожиданностей. Мы стояли в тамбуре и с волнением наблюдали, как наша уважаемая проводница, размахивая руками, разговаривала с милиционером, профиль которого напоминал черта в милицейской фуражке. Женя, Олег и я вышли из вагона и, подойдя к представителю власти, наперебой стали убеждать в обратном, что справляли юбилей и юбиляры явно перебрали, что это недоразумение и больше это не повторится. Говорили о том, что раз живем и раз гуляем, и какой русский не любит быстрой езды, создавая у милиционера иллюзию случайной композиции. Все это говорилось с серьезными лицами людей, всеце-

ло понимающих трагичность положения в данную минуту. Властитель улыбался мефистофелевской зловещей улыбкой и постукивал переносной рацией по бедру, нахмурив брови, он пригрозил нам известным адом и, сказав несколько слов по рации, исчез с платформы. Неожиданно с подножки вагона на серую злополучную платформу соскочил Андрей, он грозно метнул взгляд туда, где стоял милиционер, и, рванувшись на прямых, как колья, ногах, начал извергать реплики, но, сдержанный нами, он еще немного подергался, выдержав до конца свою роль, после чего, словно победитель Ахиллес, он вернулся в плацкартную каюту.

Конечно, читатель меня может упрекнуть, что это он обещал южные красоты, а описывает пьяный дебош в дороге, да еще так подробно, но я бы позволил себе не согласиться, в нашей жизни дорога играет роль связующего звена. И поэтому является неотъемлемой частью нашей жизни, а тем более невыносимые российские дороги. А, кроме того, на плацкартной сцене вы увидели показательные выступления наших «скромных» героев. Итак, наш поезд, стуча стальными колесами, уносил нас к желанной цели. Через несколько минут, доблестные алконавты, то есть, я хотел сказать, аргонавты, посапывали на своих нарах, словно их заключили под домашний арест. За окном мелькали белокаменные домики и кукурузные поля, в которых свободно затеряется человек с вытянутыми вверх руками. Я думал о том, отчего люди так любят куда-нибудь ехать, наверное, дорога являет-

ся тем нейтральным отрезком, в котором каждый человек, когда он едет, живет добрым ожиданием.

Редкие остановки убеждали нас в том, что, кроме сладких булок и газированной воды, мы больше ничего не купим.

– Виктор, как ты выдержал пьяную ночь? Наверное, не раз просыпался? – интересовался Олег.

– Не волнуйся, я спал, как убитый спартанец в ущелье Фермопил, – парировал я слова Олега.

– Виктор, а что ты сейчас пишешь? – усмехаясь, заговорил Олег. – Он у нас поэт.

– Пестрая у нас компания. Виктор, в столь живописных местах тебе понадобится буквально гомеровский талант, – язвил Женя.

– Я надеюсь, для этого не надо лишать меня зренья, – заявил я.

– Нет, мы найдем для тебя благородную и поэтическую болезнь, если поэт без изъяна – это не поэт, – философски заключил Женя.

– И все-таки, лучше без кровопролития, – настаивал я.

– Виктор, о чем же пишут сейчас поэты, а…? – с иронией интересовался Женя.

– Да, обо всем, что на глаза попадется или душу заденет.

– И как, задевает? – не унимался Женя.

– Иногда случается.

– И что же получается?

– Да вы уже рифмами заговорили, – вклинившись в раз-

говор, сказал Олег.

– Такая пестрая компания обещает веселую жизнь, только одно интересно, как мы, все такие разные, сможем ужиться под одним пузатым солнцем, – прыснув от смеха, сказал Женя.

Наш змеевидный «Арго», стуча стальными веслами, незаметно влился в синеву вечера, и неизвестность сладким туманом окутала мою голову; обнимая теплую подушку, я уснул в ожидании конца нашего дорожного плаванья. Наш поезд, с трудом переварив нашу пассажирскую массу, выстрелил нами, как горохом, и мы покатились по симферопольским платформам в поисках нового «Арго». Раннее утро еще напоминало ночь, и сонный Симферополь еще кутался в темное одеяло, мы сложили рюкзаки у ствола морщинистого тополя. Женя с Семенычем пошли искать аргоробус, мы с Олегом занялись поисками пищи, Геракл, развалившись на рюкзаках, храпел на весь вокзал, Орфей целовал обетованную землю. Обогнув мощные колонны, мы, словно два заговорщика, приблизились к желанным автоматам, выдававшим горячий кофе и бутерброды с копченой колбасой. Удобно устроившись на высоких табуретах за круглыми столами, мы чинно пили кофе и изящно двумя пальчиками отправляли в голодный рот ароматную колбасу.

– Виктор, ах вы, недобитый польский князь, да вы опять едите, вам все мало, вот она барская потребность. Придет-

ся вам выписать таблетки от жадности, – накинулся на меня Андрей.

– Пожалуйста, потише, – говорил я, жуя жирную колбасу, – на вокзале могут быть, спящие люди, – заключил я и отвернулся от Андрея.

– Нет, вам не удастся меня обмануть, и я спасу вас от переедания, – сказал он и за шиворот стал оттягивать меня от стола.

– Опять насилие, – закричал я, проливая кофе.

Вдруг стол неожиданно поехал, отодвигаясь от меня и Андрея, и он, воспользовавшись паузой, выхватил мой родной бутерброд, ему было все равно, куда едет стол.

– Ага, испугались, хватит есть, троглодиты. Нас давно ждут кони, – шепотом заключил Женя, вынырнув из-под стола.

– Так ведь… – пытался сказать я.

– Так ведь бежать надо. Железный конь ждать не будет.

Погрузив вещи в автобус, мы ждали Андрея, и скоро я увидел в темное окно бегущую фигуру в тулупе и шляпе.

– Ну что, поехали, – запрыгнув в автобус и вытерев кофе с усов, сказал он.

Водитель закрыл двери, они издали свистящий звук, словно удар хлыста, и наш металлический конь понес нас по южному серпантину дорог. Черные силуэты деревьев мелькали вдоль дороги, а выше их крон громоздились расплывчатые глыбы холмов. Мне не верилось, что я нахожусь в Крыму,

и темные картины за окном воспринимались мной, как декорации в павильоне, в котором погасили свет. Неожиданно темная дорога расширилась, словно веер, и аргоробус сделал остановку. Фары автобуса осветили хвост гигантской стрекозы, это был шлагбаум. Водитель вышел из автобуса и вошел в небольшой белый домик; чувство беспокойства охватило меня, словно аргоробус стоял на границе самой запретной и таинственной земли. С каким-то даже сожалением я смотрел на возвращающегося водителя, мне так захотелось, чтоб из грозного домика вышел римский легионер и грубо совершил таможенный досмотр. Но аргоробус уже давно несся по темной дороге, а я продолжал плыть в своем воображении. Вихревые потоки, срываясь с металлических бортов аргоробуса, закружили меня, и я уснул, ненадолго расставшись со своим воображением.

– Приехали, – закричал Женя, который был здесь не в первый раз.

Хмурясь от прилипчивого сна, я неуклюже двигался с тяжелым рюкзаком, опустив его рядом с лавочкой, я, усаживаясь, сладко задремал. Предприимчивый Женя устремился к автобусной станции, Андрей, щурясь, смотрел вдаль на горы, на которых расположились «пляшущие дома». Саша сладко тянулся, сжимая кулаки, Семеныч успел умыться у фонтанчика и, освеженный, щеголял перед нами, Олег что-то выяснял у Володи, и все наши действия и бездействия были наполнены ожиданием. Когда ясное алуштинское утро, опира-

ясь на холмы, поднялось над нашими головами, то по сей день неизвестно, из чьих уст вылетели слова, что нужно идти пешком до лагеря «МЭИ».

– Да вам нести нечего. У вас вещички-то детские. Да вы что, издеваетесь?! – взревел отрезвевший Андрей.

– Андрей, нас много, и машин столько не найдем, – убеждал Володя.

– Да у меня картошки полтонны! Виктор меня так загрузил, что каждый шаг пяти стоит, – размахивая руками, кричал Андрей.

– Да, рюкзаки тяжелые, – сказал я.

– Пускай, пускай они идут, а мы остаемся. Я не вьючное животное. Мать вашу…

– Если транспорта нет, что вы предлагаете? Лучше с остановками идти, чем пребывать в неизвестности, – убеждал Володя.

– Виктор, ты у нас заядлый турист, тебе не привыкать, – шутил Олег.

– Хватит валять дурака, осталось каких-то сто шагов до моря, а они раскисли. И это наша краса и гордость, наши, так сказать, олимпийцы. А ну вставай, – закричал Женя и стал надевать мне на спину рюкзак.

Семеныч помог надеть рюкзак Андрею, при этом он смеялся своим неподражаемым гортанным смехом.

– От такого спорта кишки вылезут. Это Виктор спортсмен, а я старый алкоголик. Сломать решили дядьку Андрея. Куда

идти-то?

– Всем в переход. Шагом марш! – издеваясь, скомандовал Женя.

Мы ненадолго погрузились в темный и таинственный переход, и, когда вышли на залитую солнцем поверхность, то мои сомнения улетучились, я шел по незнакомой мне Алуште. Ящики торговок преграждали нам путь, за ними белели одноэтажные домики, полные женщины визгливыми голосами предлагали помидоры, груши, яблоки, которые своим аппетитным видом насыщали наши глаза. Одна женщина, прижав руку к объемистой груди, раскрыв рот, не моргая, глядела на Андрея.

– А шо он в тулупе, це лето? – спросила женщина.

– Товарищ поезд перепутал, ему в Сибирь надо, но вы не волнуйтесь, мы посадим его на белый пароход и он окажется на Огненной земле, – быстро ответил Женя.

Торговки закудахтали разными голосами, а у одной от смеха покатился помидор, Андрей сделал смешную гримасу, похожую на улыбку, потому что все остальные эмоции были натянуты, как струны, под давлением тяжелого рюкзака. Лишившись «Арго», мы, словно аргонавты, выброшенные в пустыню, двинулись в путь пешим строем по извилистому серпантину алуштинской дороги. Геракл шел впереди всех, гордо вскинув голову, Женя с Семенычем были легковооруженными воинами, Володя с Олегом были похожи на копьеносцев, а мы с Андреем являлись тяжелой кавалери-

ей, только в разобранном виде, потому что наших коней мы несли за плечами. Лента дороги, круто взлетая вверх, невидимой обрывалась на вершине холма, слева стояла неизвестная усадьба, скрытая прохладной тенью молодых раскидистых тополей, маняще зазывая нас в свои чертоги. Крымская парная раскалила мое тело так, что я постоянно чувствовал, как ремни рюкзака врезаются в мои трапециевидные мышцы все глубже и глубже.

Мне казалось, что солнце сидит на каком-нибудь буром холме и горизонтальными лучами обжигает все вокруг.

– Смотри, как идет Андрей, – сказал Володя.

Я остановился и, повернувшись, посмотрел вниз, Орфей нагибаясь под тяжестью рюкзака, использовал все четыре опоры, но, очевидно, достигнув обетованной земли, он знал, за что борется.

– Наш потомственный иноходец, – пошутил я.

Петляя по улицам города, аргонавты увидели чудесный сад, там они обнаружили спасительные автоматы с родниковой водой. Рюкзаки на время слетели с покрасневших плеч, и газированные потоки полились в сухие рты и на шашлычное тело. Резные лавочки, ряды постриженных кустов, бесстыдно распустившиеся сочным цветом георгины, все это мелькало перед нашими усталыми глазами, когда мы шли по красным, песчаным дорожкам, кланяясь каждому фонтанчику. Покинув чудесный, спасительный сад, мы, словно колобки, наполненные водой, скатились вниз с нагретой солн-

цем горы на бетонный причал. Я смотрел вниз на прозрачную, морскую воду и, шалея от близости каменистого дна, словно пришелец, вдыхал полной грудью теплый, соленый воздух.

– Дошли, дошли, – с облегчением и радостью сказал Андрей.

Мы опустили рюкзаки и сумки на бетонный причал и, как истинные аргонавты, вглядываясь в голубое море, пытались увидеть свое будущее.

– Ну, как тебе море? – поинтересовался Володя.

– Я просто забыл, какое оно красивое и необъятное, но сейчас ко мне вернулась память, – окинув побережье взглядом, ответил я.

– Семеныч, узнаешь родные места? – улыбаясь, сказал Женя.

– Давайте сделаем снимок, это начало нашего путешествия, – предложил я.

– А ты романтик, Виктор. Господа морские офицеры, на причале становись! – нахмурив брови, закричал Женя.

И на неизвестном причале, где лежали рюкзаки и сумки, аргонавты расположились в ожидании фотографического чуда, когда полоска света, съеденная диафрагмой, преобразится в вечность навсегда застывшей жизни. Установив свой фотоаппарат «Любитель», я уловил в квадратном окошке нужное изображение и, взведя лапки рычажков вверх, зафиксировал десятисекундную задержку, после чего, нажав

звездочку вниз, кинулся к друзьям. Но, к сожалению, вместо бесконечности я оставил объектив на нуле, так в спешке и волнении родилась первая фотография.

– Слушай, а в какую сторону нам идти? – спросил я.

– Видишь вон тот белый домик. Это наш маяк, к нему и пойдем, – объяснил Володя.

– Андрей, ты видишь белый домик? – подшучивал я.

Орфей щурился, натягивая пальцем нижнее веко, но разглядеть из-за слабого зрения ничего не мог.

– У меня все расплывается, – раздраженно сказал Андрей.

– Вот туда и пойдем, – сказал я, сильно хлопнув его по рюкзаку.

Минуя пляжи прибрежных санаториев и турбаз, мы шли, завидуя загорающим, вальяжно устроившимся в полосатых шезлонгах. Когда мы прошли последний, роскошный пляж турбазы, ровная дорога закончилась, и наши воинственные ноги ступили на коварную гальку. Серая нитка нашей легендарной дороги тянулась между грозными валунами, а иногда между морем и отвесной стеной холма. Солнце плыло над морем, стремясь в голубую высь, наши остановки становились все чаще и чаще, и, сильно измотавшись на очередном привале, я переправил часть банок в рюкзак Андрея. Единственной опорой были секции для палатки, которые при ходьбе все глубже втыкались в коварную гальку, но жара и усталость не позволяли этого осознавать.

– Виктор, мы легче вас, и поэтому я предлагаю разделить-

ся. Мы произведем разведку и подготовим место к вашему прибытию. Вы можете идти в среднем темпе, да, кстати, ты не отдашь мне свои секции? Мы повесим на них сумки, что значительно ускорит наш путь, – заключил Женя.

– Возьми, – ответил я и протянул ему трубки.

– Мерси, – сказал Женя и, словно играя тростью, удалился к своей группе.

Просунув секции через ручки сумок, Саша и Женя положили их на плечи, после чего они зашагали так, словно у них появилось второе дыхание, было видно, что Семеныч с Олегом еле поспевают за ними. Привал для нашей тяжелой троицы затянулся, но мы не спешили, даже когда четверка аргонавтов во главе с Гераклом скрылась за нависающим над морем бурым холмом.

– Надо идти, а то солнце подымется и будет еще трудней, – сказал Володя.

– Ты как, жив? – спросил я у Андрея.

– У меня не спина, а сломанная этажерка. Володя, кто вообще предложил идти пешком?

– Андрей, но теперь никуда не денешься, надо идти, – ответил Володя.

Окончив привал, мы, как тяжеловооруженные войска, устремились за нашими разведчиками, чтобы принять бой на обетованной земле за благоуханное, райское место. У Володи был небольшой рюкзачок и две сумки; бойко подергивая плечами, он шел впереди, Андрей, поскрипывая, шел за

ним, а я замыкал нашу кавалерию. Шагая по гальке, создавалось ощущение, словно в каждой ноге находится погремушка, солнце щедро выдавало нам жаркие оплеухи, и наша тяжелая кавалерия делала остановки, пройдя определенное количество шагов. В такие короткие передышки Володя просто прижимался спиной к очередному валуну, а мы всякий раз снимали рюкзаки, умывали лица и разминали взмыленные спины.

– Вот это для мужчин, рюкзак и ледоруб, – подшучивая, напевал я.

– И нет таких причин, чтоб не вступать в игру, – подхватил Андрей и устало стихнул.

Володя только усмехнулся, и песня, недружно подхваченная, осталась, как ненужная тяжесть на дороге. На одном из поворотов я обогнал выдыхающегося Орфея, который явно сбавил в темпе, а Володя по-прежнему был лидером гонки.

– Виктор, скажи, чтоб он не рвался. Пусть равняется по нам, – крикнул раздраженный Андрей.

– Володя, ты можешь не бежать. Ты нас загонишь, – кричал я.

И наш оруженосец на мгновенье сбавлял свой шаг, но словно невидимый вражеский стрелок всаживал ему пулю в одно место, и Володя вновь ускорялся. Серая нитка раскаленной дороги уменьшилась наполовину, но недосягаемый белый домик так и не приблизился.

– Все, как хотите, пока я не поем и не отдохну, с места не

двинусь. Мы приехали, отдыхать, а не пахать, – сказал я.

– Я согласен, чего ты нас гонишь, как последних рабов на плантацию, – сказал Андрей и сбросил с плеч рюкзак.

– Виктор, а что мы будем есть и как приготовим? – спросил Володя.

– Приготовим картошку с тушенкой. Я буду чистить картошку, а вы найдите воду и дрова.

Море, слегка волнуясь, разбивало зеленоватые волны о бурые валуны, где-то, не очень высоко, над нами смеялась белая чайка. На вершине холма стояли домики полубочки, на турбазе царила сонная тишина, и Орфей, словно римский лазутчик, подосланный отравить колодцы, незаметно набрал воды в пластмассовую канистру. Спускаясь по бетонной лестнице, он оглядывался назад, очевидно, опасаясь погони, но местные легионеры спокойно спали, наслаждаясь отдыхом. И Орфей, натягивая нижнее веко пальцем, беззаботно любовался роскошной панорамой моря. Рядом находилась пристань, а на ней работал кран, южные труженики активно занимались своим делом, очевидно, они строили бетонный волнолом. Удобно устроившись у подножия холма, я сидел на рюкзаке и чистил картошку, примус мы решили поберечь для лучших времен. Володя разжигал костер из обломков сухого дерева, выброшенного когда-то морем на каменистый берег. Андрей налил в котелок воды, и я побросал туда белый граненый картофель; поднявшись в полный рост, я сладко потянулся, вытянув взмокшие руки вверх.

– Андрей, где ты брал воду? – спросил я.

– Как подниметесь наверх, так увидите узенькую дорожку, ведущую вглубь кипарисов, а за ними серенький домик.

– Мы пойдем, умоемся, а ты последи, пожалуйста, за картошкой, – сказал я.

Шагая через ступеньку, я поднимался по лестнице и смотрел сверху, как Орфей разлегся на теплых камнях, положив ногу на ногу, свой тулуп он свернул и подложил под голову, серую шляпу он сдвинул на лоб. И сейчас он был похож, больше всего на ковбоя, который отдыхал после длительной скачки. В тенистой прохладе густых кипарисов мы ненадолго сняли желтые латы солнца; обливаясь холодной водой, мы так увлеклись, что скоро весь каменный пол был залит серыми лужами. Удовлетворенные, мы медленно спускались к нашей стоянке, волны разбиваясь о валуны, белыми брызгами падали к ногам отдыхающего Орфея. Увидев мои ноги, он жестом вытянутой руки указал на котелок, я ловко вскрыл банку и вывалил мясо с жиром в кипящую воду. Тщательно перемешивая картофельную массу, я услышал, как Андрей и Володя зазвенели ложками о миски.

– А хлеб кто-нибудь нарежет? – спросил я.

Володя достал половинку дарницкого хлеба и отрезал три квадратных куска. Орфей, улыбаясь, подставил мне свою миску, и я выстроил в ней остроконечную гору, по которой растекался горячий жир. Я очистил луковицу и разрезал по длине зеленые огурцы, все это я положил в миску и рядом

поставил солонку. Каждый уселся на своем рюкзаке, и мы основательно наполнились калориями, наши жадные желудки отяжелели, и мы, как трутни, сползли с рюкзаков на теплую гальку. Приятно было смотреть, что кто-то работает, а ты лежишь и отдыхаешь. Белая чайка, подавившись от смеха, кружила над нами, ее тонкий язык с завистью слизывал слюну с голодного клюва. Я отломил кусок черного хлеба и закинул его в голубую высь, чайка спикировала на мой подарок и, благодарно взмахнув крылом, улетела на гору. Зеленоватые краски моря несли успокоение и нежную безмятежность, белые, веселые брызги заигрывали с нами, зазывая, окунуться вглубь морских волн.

– Может, искупаемся? – предложил я.

– Я согласен, – улыбаясь, ответил Андрей.

– Только, давайте недолго, – сказал Володя.

– Ты так говоришь, словно нас работа ждет, – сказал я, освобождаясь от нагретых солнцем вещей.

Обходя валуны, обросшие зелеными, короткими водорослями, я осторожно ступал по угловатому, каменистому дну. Волны раскачивали меня во все стороны, а острые ребра камней вынуждали двигаться в ритуальном морском танце, словно море испытывало каждого первенца, посвящая в свои законы. Когда я зашел почти по грудь, волна, подхватив меня под мышки, сорвала со дна и понесла в голубых объятьях.

– Вода – чудо, – задыхаясь, закричал я.

Володя, завистливо двигая скулами, немного поколебав-

шись, стал раздеваться. Андрей, выпячивая грудь, вошел в море, но, сделав пару шагов по скользким камням, рухнул в коварные волны. Тряхнув мокрым хвостом волос, он рывками поплыл на меня, а поравнявшись со мной, с одобрением подтвердил мои слова.

– Да, хорошо.

Осторожно миновав валуны, к нам присоединился Володя, и ласковое море укачивало нас троих на прозрачных и зеленоватых волнах. Насладившись морскими ласками, я первый медленно вышел на раскаленный берег, но ног я не чувствовал, словно что-то несло меня, в голове приятно шумело, а мокрую грудь сжимали нежные невидимые щупальца.

– Да, море приятное, – вздыхая, сказал Володя.

Он вышел из моря последним и, потирая волосатую грудь, довольный улегся на свою одежду. Наслаждаясь отдыхом и вглядываясь в размытую даль моря, я ни на секунду не отрывался от реалий тяжелой, походной жизни. Взглянув сонливым взглядом на наши тяжелые рюкзаки, у меня неожиданно мелькнула шутливая мысль.

– Будем собираться? – спросил я.

– Да, пора, – тихо ответил Володя.

– Володь, тогда твоя очередь сходить за водой, мы уже ходили, – сказал я.

Володя взглянул на вершину холма и, вздохнув, согласился. Одеваясь, я проследил за нашим водоносом и, когда он скрылся с глаз в тени кипарисов, я спровоцировал Андрея.

– Андрей, давай ему в рюкзак пару камушков подложим, чтобы не очень рвался вперед.

– Давай, – согласился Андрей, оценив вкус провокации.

Вдохновленный мной Орфей, уверенно расшнуровав рюкзак, приступил к закладке волшебных камней.

– Да, куда ты столько суешь, – спохватился я, – он же почувствует.

– Нормально, теперь он от нас не убежит, – злорадствовал Андрей.

Володя принес канистру холодной воды, и мы с Андреем выпили по глотку за успех дела. В два приема забросив на спину станковый рюкзак, я смотрел, как Андрей помогает Володе, он заботливо расправил ремни и примостил круглого дружка на испытательную спину.

– Что-то тяжело стало, – прогибаясь в спине, сказал Володя.

– Так ведь поели, – хитро закручивая ус, сказал Андрей.

– Да и солнце еще жарит в два раза сильней, – поддержал я.

– Да, ну ладно, – согласился Володя.

Вдохновленный Орфей лихо закинул на спину свой рюкзак и освободил удивленного Володю от канистры с водой. Он, бодро вскинув голову, словно окрыленный Икар, легко зашагал по коварной гальке с чувством выполненного долга. Волшебные камни, ниспосланные нам богами свыше, сделали свое дело, и взмыленный Володя нес эту небесную кару

на радость в душе хохочущему Орфею.

Волшебство помогло Володе уловить наш ритм тяжелой кавалерии, и его бывшая прыгучая поступь стала такой же крепкой и могучей, как наша. На коротких остановках он, как и мы, выполнял ритуал тяжелого аргонавта, снимал круглого дружка, купал в море голову и разминал затекшую, взмыленную спину. Орфей ликовал и от этого переносил свою тяжесть гораздо легче, тяжеловооруженный спартанец Сизиф больше не совершал губительных для нас рывков, но мне стало жаль Володю, что он взмыленный, как мы, несет зря ненужную тяжесть. Белый дом неожиданно вырос, и наша дорога по побережью окончилась, мы сделали привал, и я открыл Володе волшебную тайну.

– Володя, труден труд Сизифов?

– Да, – сказал он, обмывая морской водой лоб.

– Выкинь камушки из рюкзака, – осторожно сказал я.

– Да вы что, обалдели! – вскричал он.

– Зачем сказал, опять рваться будет, – сказал Андрей, обмывая морской водой грудь.

И как только все чары были сняты с Володиной спины, он бойко зашагал по асфальтированной дороге, словно хотел оставить Сизифову славу на морском побережье. Остроконечные кипарисы и высокие тополя взяли нас под прохладную защиту, лагерь «Днепрорамзэс» расположился на изгибе морского побережья. Широкая, бетонная дорога, возвышаясь над морем, округляла острый изгиб, по ее краю шел

металлический бортик, а вечером, как показалось мне, она вполне могла сойти на пристань, для романтических свиданий. Мы шли по ровным дорожкам в глубокой тени, от усталости я не мог понять, что у меня тяжелей, голова или рюкзак, изящно изогнутый мостик забрал мои последние силы. Я остановился на границе прохладного сада, мне очень не хотелось, выходить из спасительной тени, о, если б тень могла поглотить меня, как черная дыра, я был бы счастлив. Но дух аргонавта подсказывал мне, что я должен выйти навстречу желтому циклопу, и мы вышли на залитый солнцем пляж. Мои тяжелые, отчаянные шаги, наконец, закончились, и ребристая крыша навеса приняла нас в свои топчанные объятья. Сизиф, освобожденный от оков, отправился на поиски передовых аргонавтов. Мой синий, станковый рюкзак стал мне ненавистен, и, чтобы сбросить его психологическую ношу, я увидел спасение в море. Отмокая в воде, я смотрел на берег, словно моллюск, сквозь щель своей раковины, и тут я почувствовал, как безразличие ко всему схватило меня за горло.

– Выходи из воды, я нашел их, – закричал с берега Володя.

Возвышающийся холм находился рядом, где оканчивался спасительный навес, бетонный бортик преграждал нам путь, и, сбросив на него рюкзак, я с овладевшим мной безразличием смотрел на машущих сверху Женю и Сашу.

– С меня хватит, осталось совсем ничего, подняться на пятый этаж и там умереть, – возмущался я.

На вершине холма рос изогнутый дуб, и вот с корней это-

го благородного дерева сошел могучей поступью Геракл, он безмолвно закинул на мускулистое плечо тяжелый рюкзак и, словно Тесей, овладевший летучими сандалиями, стал быстро подниматься вверх, за что я ему был очень благодарен. Но Геракл не забыл и своего лучшего компаньона Орфея и оказал ему дружескую помощь в нелегком подъеме. Площадка, на которой разместились аргонавты-разведчики, изгибалась под углом тридцать градусов, две дороги делили ее пополам, мое внимание привлек ровный участок сухой земли, вплетенный в верхнюю дорогу. Я обошел Семеныча и Олега, они лежали на белых плотиках, созерцая голубое море, улыбаясь, я представил их безмятежный сон под веселым углом. Вокруг нашего формирующегося лагеря росли низкорослые, кругловатые по форме ивы, молодые дубки, цепляясь корнями за гору, были причудливо изогнуты. Сухие, желтые стебли покрывали выжженную солнцем каменистую землю, они помогали южным туристам разжигать костер. Я собрал брезентовое ложе и установил его на ровное место, свой рюкзак я положил рядом с самой высокой на нашей площадке ивой. Сухие, золотые стебли окружали мое ложе, и я, словно новый римский диктатор, лежал, окидывая взглядом вверенный мне лагерь и все окрестности морского побережья. И растущая рядом ива вдруг наклонилась ко мне, словно опахало, и моя голова, увенчанная солнечными золотыми лаврами, значительно отяжелела. Справа от моего ложа чуть ниже, словно мой телохранитель, расположился Орфей в моей

одноместной палатке, она, как кость в горле, стояла на пути второй дороги. Главная дорога шла через нашу стоянку, а за водой все туристы ходили в лагерь «Днепрорамзэс», поэтому каждый раз очередной незнакомец с разбегу попадался в упругую брезентовую сеть, установленную коварным Орфеем. Когда это происходило, Орфей хитро закручивал ус и говорил:

– Хорошо.

Почти на краю обрыва стояла четырехместная палатка, вокруг нее лежали вещи, сумки и кульки с крупой. Семеныч всем предлагал отведать резиновой каши, Саша, Олег и Женя смеялись над рассказом Андрея о сизифовых камнях. Среди нашей компании находился знакомый Жени, он, не встретившись со своими друзьями, присоединился к доблестным аргонавтам. Игорь был интеллигентный молодой человек, аккуратно выбритый и подтянутый и сосредоточенный на своих никому не известных планах. Находясь на возвышенном месте, мой диктаторский глаз, в отличие от лагерных воинов, видел панораму пляжа, как на ладони, и эта перспектива мне нравилась. Сытный обед влил в нас новые авантюристические силы, и наши усталые и неакклиматизированные тела и сдавленные жарой головы устремились на ознакомление с лагерем «МЭИ». И, взяв в руки диктаторский жезл, я в сопровождении телохранителя Орфея и грозного воина Геракла, а также младшего брата Сизифа, отправился к местным легионерам, доверившись хитроум-

ному разведчику Жениилу. Медленно спускаясь с горы, мы шли, радуясь тому, что оккупировали новый, богатый всякими соблазнами, как нам казалось, южный край. Спустившись к морю, мы пошли вдоль узкого побережья, на подходе к лагерю мы увидели торчащие из воды бревенчатые сваи, всего их было семь, это было сакральное число, и я в душе порадовался хорошему предзнаменованию. Еще немного шагов, немного волнения – и мы ступили на желанную землю, точнее на закованный в бетон берег с которого я сразу увидел зубчатую башню, возвышающуюся над благородными кипарисами. При входе в лагерь вы обращали внимание на эллинг, я бы даже назвал его мини-эллинг, это сооружение с иллюминаторами напоминало старый утюг, на верхней ее части высилась белая половинка башни с прямоугольными бойницами. За эллингом стоял прямоугольный, белый домик, над плоской крышей которого закрепилась синяя труба с развевающимся флагом «ОСВОД». Лагерь «МЭИ» был разбит, между двух зеленоватых гор, словно оркестр в акустической яме, и поэтому все музыкальные звуки разносились по всему морскому побережью. Войдя через центральный вход, я обратил внимание на беседку, вокруг которой росли кусты, за беседкой лежали спортивные маты, стояли штанги, гири, высится турник и гимнастические брусья, баскетбольная площадка с резиновым покрытием заключает спортивную зону. Границей спортивной площадки является бетонная лестница, ступени которой описывают полукруг.

Поднявшись по ним, вы попадаете в цветочный парк, поднявшись повыше, оказываетесь на площадке, где теннисные корты, поднявшись еще выше вас, встречают домики-полубочки, а за ними извивается пьяная лестница, история которой хранит печальные воспоминания. Если продолжить движение по правой части лагеря, то вы непременно наткнетесь на студенческий туалет, запах которого, словно слезоточивый газ, бил вам в нос. В центре лагеря находилась площадь, выложенная мощеным камнем; немного поморщив нос, вы попадали в кооперативное кафе. Крутая лестница, описывая полукруг, заканчивалась незамысловатым домиком, на ступенях выстраивалась очередь к желанному окошку. Вся эта конструкция нависала над площадкой с высокими столиками, под площадкой домика на подвесной полке стоял телевизор, показывали типичный западный боевик, это облегчало жаркое ожидание. Дальше по правой стороне тянулся ряд брезентовых шатров, а повыше петлял серпантин южной дороги. В противоположность правой стороне, левая начиналась «аллеей любви», пять рядов гладких, бетонных плит вели вас по замысловатому лабиринту и, пожалуй, это было самое прекрасное место в лагере. Слева за бортиком дороги росли стройные кипарисы, а справа шла стена, выложенная из овальных камушков, входя глубже в парк, вас затягивала лавочка под навесом, на которой, очевидно, было разбито не одно сердце. В середину аллеи вела причудливая лестница, по краю которой извивался змей-соблазнитель, льстиво

высунув язык, и именно по этой лестнице спускались любопытницы, встречая теплый рассвет, замешанный на горячих ласках. Дальше высилась зубчатая башня, в которую можно было войти, а выйти с другой стороны, от нее шла крепостная стена, хранящая не одну любовную тайну. Неожиданно дорожка и стена обрывались, предоставляя полную свободу выбора. Ближе к центральному входу по левой стороне стояли теннисные столы, повыше шла волейбольная площадка с резиновым покрытием. «Аллея любви» являлась границей дискотечной площадки, круглый пятачок с маленькой сценой был танцевальной площадкой, вверх от площадки восходили ряды лавочек. Над последним, верхним рядом стоял белый домик с необходимой звуковой аппаратурой, выше располагался жилой одноэтажный корпус. Понимаясь выше по центральной дороге, вы обращали внимание на крутую лестницу, она вела под навес студенческой столовой, когда вы обедали, открытый зал приятно продувал южный ветер. Широкая асфальтированная площадь в центре лагеря разделяла столовую и студенческий туалет, прямо по центру за площадью, утопая в зелени, стояла беседка, в ней курили, назначали свидания и просто отдыхали. Добавим, что эти благословенные места, были воспеты не одним даровитым поэтом. Строки Александра Сергеевича Пушкина так и срываются с языка:

Кто видел край, где роскошью природы

Оживлены дубравы и луга,
Где весело шумят и блещут воды
И мирные ласкают берега.

Или Волошин, какое самомненье:

И Коктебеля каменная грива,
Его полынь хмельна моей тоской,
Мой стих поет в волнах его прилива,
И на скале, замкнувшей зыбь залива,
Судьбой и ветрами изваян профиль мой.

А Друнина, какая откровенность:

Я же дочерь твоя, Расея, —
Голос крови не побороть.
Но зачем странный край Одиссея
Тоже в кровь мне вошел и в плоть?

Воистину этот сказочный край никого не оставил равнодушным, но оставим поэтов, они на славу потрудились. Потому что пытливый читатель мог бы смело упрекнуть меня в том, что я разбавляю свое нудное повествование поэтическими жемчужинами, к которым я не имею ни какого отношения.

И так наша оккупантская нога ступила на спортивную площадку, младший брат Сизифа интересуется, как мне понравился спортивный городок, а я слушаю его и подтягива-

юсь на турнике. Орфей хмельной рукой поднимает двадцатичетырехкилограммовую гирю, Геракл, широко улыбаясь, хлопает ладонью спортивного коня.

– Послушайте, очевидно, вы забыли, зачем мы здесь? Мы пришли сюда на о-зна-ко-мле-ни-ё, – отчеканил сердитый Женя.

– Е, – возразил Володя.

– Ё, ё, Володя, и, вообще, Андрей, брось гирю, когда с тобой говорит старший по званию, ознакомился, брось, чего к ней пристал, любите обижать маленьких, а теперь все, идем на площадку к этим, – сказал Женя и стал махать в стороны руками.

Мы медленно поднимаемся по гладкой бетонной лестнице, ритмичная музыка разносится по пустым рядам, остроконечные кипарисы, словно занавес, расплываются в стороны, открывая нашим ненасытным глазам танцующих девушек в разноцветных купальниках. Они вскидывают колени, делают шаги, размахивают руками, словно ужаленные нашими захватническими взглядами. И группа аэробики превращается, превращается в наш первый гарем, принадлежащий только нам, как и все южные красоты, в которые мы вошли и душой и телом, как сказал поэт. Увидев бледнолицых аргонавтов, девушки весело улыбаются, а наши ненасытные взгляды заставляют их гибкие тела извиваться еще больше, горячий заряд взаимных чувств приводит в замешательство неистового Орфея.

– Ну что, возьмем их всех! – восклицает Андрей, втянув голову в плечи и согнув руки в локтях, словно краб.

– Нет, мой бедный друг, мы пойдем дальше, – усмехается Женя, раздвинув руки, как Андрей.

Окрыленные, мы вновь выходим на широкую дорогу, из столовой спускаются сытые студентки, они одеты в мини-юбки, шорты и легкие, прозрачные накидки. Навстречу нам, играя бедрами, в купальниках, состоящих из цветных лоскутиков ткани, спускаются длинноногие студентки-мулатки, они широко улыбаются, обнажая белые зубы. Справа по бетонной лестнице быстрым, прыгучим шагом спускаются девушки с теннисными ракетками, у одной девушки так красиво взлетает грудь, что у некоторых аргонавтов прерывается на время дыхание. Мы поднимаемся по лестнице к домикам-полубочкам, наш Геракл знакомится с одной дискотечной звездой, у нее длинные распущенные волосы, лицо непокорной красавицы, вулканическая грудь и упругие бедра танцовщицы. Форсируя знакомство, он пытается ворваться к девушке в домик, но красивая, загорелая рука останавливает распаленного Геракла, и он покорно следует за нами. Переполненные первыми впечатленьями, мы шли по морскому побережью, блуждая мечтательными взглядами по яркому горизонту. Возвращаясь на отдаленную стоянку, у некоторых аргонавтов возникали соображения изменить позицию лагеря и поселиться ближе к очаровательным амазонкам. Что можно сказать о пляжах, они были везде одинако-

вые, словно клавиши пианино, бетонные пирсы на расстоянии сорока метров друг от друга, устремлялись в море, на песчаном берегу стояли деревянные топчаны, скрытые ребристой крышей навеса. Впрочем, был и еще один пляж, нудистский, но об этом попозже. Поужинав, я улегся на свое диктаторское ложе, а отряд воинов во главе с Гераклом готовился к вечерней вылазке. Саша тщательно расчесывал пышную челку, а я мысленно облачал его в разные золотые латы. Наш беспокойный воин Орфей, жалуясь на лишения и тяготы нашей праздной службы, решил остаться со своим дорогим диктатором. В десять часов вечера, когда море загадочно потемнело, Геракл, приложив мускулистую руку к груди, неожиданно вскинул ее вверх и гордой поступью зашагал с горы, увлекая за собой отряд горячих добровольцев. В лагере «МЭИ» проходил конкурс «Мисс Алушта», из мощных колонок вперемешку с музыкой вылетали имена участниц, которые морской ветер разносил по побережью. Мой взгляд плыл по потемневшему горизонту моря и возвращался, перебирая огоньки дальних берегов, и снова уносился за горизонт, не знаю почему, но я мучительно пытался охватить все море. Вокруг нашего лагеря, словно по взмаху невидимой дирижерской палочки, запел хор цикад, и я подумал о том, как мне придется засыпать под назойливые, колыбельные песни. Теплая усталость гудела в моих мышцах, и все же я был рад и представлял свои новые приключения по южному краю. Кипарисы в лагере «Днепрорамзэс» вспыхива-

ли то красным, то синим светом, оглушительные ритмы диско сливались со звонкими голосами юных девиц. И все же «МЭИ» стрелял мощней из звуковых диско-орудий, откровенно объявляя в паузах объемы загорелых красавиц. В мое морское мечтание временами вклинивался Орфей, он ходил на одном месте и протоптал бы, наверное, целый ров, который надежно бы защитил мое диктаторское ложе. Но этого не случилось, а жаль, каждый раз, когда сообщались данные девушек, Орфей замирал, словно алуштинский богомол.

– Виктор, я больше не могу. Сногсшибательные объемы, надо идти, надо идти, надо идти, – говорил он, теребя кончики красной ленты, туго стянувшей распущенные волосы.

– Не волнуйся, наш лагерь под надежной защитой. Иди и утоли свой голод, мой верный друг.

Счастливый Орфей, словно позаимствовав у доброго Тесея летучие сандалии, быстро улетел с нашей горы на всех парусах, ему вслед смеялся гомерическим смехом Семеныч. А я продолжал мечтать, вглядываясь в темносиние краски моря. Там, где оканчивался пустой пляж, бетонная дорожка полумесяцем обходила лагерь юных сердец, скрываясь за темными кронами вспыхивающих разным светом кипарисов. И, словно мыс Доброй Надежды, она была окончанием пляжной панорамы, на подмостках которой останавливался блуждающий взгляд.

Так вот, когда мое изнуренное походом тело прошло все стадии восстановления, мой зоркий глаз застыл, прикован-

ный к мысу Доброй Надежды. Усаживаясь на ложе, как в гнезде, и опираясь на согнутые в локтях руки, я, словно орел, цепко следил за девичьей фигурой. А моя незнакомка, ни о чем не подозревая, облокотившись на металлический бортик, наклонив голову с распущенными волосами, смотрела в море. И я мгновенно почувствовал, что моей девушке очень одиноко в глубине вспыхивающих кипарисов. О, драгоценнейший мой читатель, все это время я плыл по волнам своих мечтаний и, нудно повествуя, ждал этой сцены, чтобы блистательно сыграть свою роль. Как прекрасен нетронутый девичий рай, к сожалению, в который мы входим не всегда с благими намереньями. Я долго наблюдал за ней, боясь, что она уйдет, но юная дева лишь меняла опорную, соблазнительную ногу и продолжала тонуть взглядом в море. И все же я никак не мог решиться, чтобы оставить диктаторское ложе и полететь к задумчивой деве, как царь Соломон к возлюбленной Соломите. Выдержав еще волнительную паузу, я понял, что мыс Доброй Надежды надолго приковал ее, как пушкинскую деву с черепком. И, верная мысу, она начинала нравиться мне еще больше, и время, которое так медленно ползло вместе со мной, вдруг стремительно понеслось с горы.

– Семеныч, ты знаешь… Я что-то залежался, хочу прогуляться по берегу. Я ненадолго.

И скоро песок между моей подошвой и бетоном скрипел, приближая шаг за шагом окрыленное хищными крыльями

сердце к безмолвной деве. Приблизившись к мысу, я сбавил темп, делая шаг равнодушно прогулочным, что позволило мне мгновенно оценить свой выбор. Распущенные волосы спадали на черную облегающую грудь майку, темно-синяя юбка открывала мне стройную, бархатную ножку. Когда до девушки оставалось несколько шагов, то в мою сторону блеснули стекла очков, что вызвало некоторое замешательство в моих действиях, но, мысленно отбросив уродующие лицо очки, я увидел ровные и спокойные линии, и, как взъерошенная, напуганная птица, я успокоился от неожиданно блеснувшей опасности, и перья моей души вновь стали гладкими и горделивыми.

– Почему не на дискотеке? – прекрасно понимая почему, спросил я.

– Все это надоело, – словно продолжая длинный разговор, ответила она.

– Я вас понимаю, можно и в толпе быть одиноким, но лучше быть просто одиноким, чем одиноким в толпе. Не помню, кто это сказал, – на самом деле я прекрасно знал кто, но все же продолжал играть свалившеюся мне на голову роль.

Моя печальная дева посмотрела на меня и, сняв очки, убрала их в кармашек юбки.

– А вы откуда?

– Да вот с этой горы, – печально сказал я, придерживаясь ее настроения.

– У вас там палатка?

– Нет, у меня там царский шатер и целая армия, – мечтательно сказал я.

Вынув заколку, она собрала темные волосы в хвост, открыв аппетитную, загорелую шейку, и, поворожив шоколадными ручками в волосах, позволила мне любоваться пушистым, нежным профилем.

– Скучно здесь, только море и радует, – сказала она и потрясла темным хвостиком.

– Да это же легендарный край! Сколько судеб, надежд, печалей, разочарований толпилось и умирало здесь, – заговорил я с жаром, – да мы соприкасаемся с историей, дышим воздухом, замешанным на поэтической смеси, да мы должны радоваться, что ступаем по этой благословенной земле!

Ее глаза блеснули и как-то по-новому посмотрели на меня, и в этот момент я не знал сам, играю я или говорю правду.

– А как вас зовут? – осторожно спросила она.

– Девочка моя, разве в имени дело? Хочешь, зови меня Парисом, и я украду тебя, как прекрасную Елену, – копируя драматического актера, говорил я.

Она улыбнулась искренней улыбкой, и над уголками губ образовались красивые ямочки на щеках, изменив все ее лицо, и юный свет любопытства заиграл в чистых глазах.

– Меня зовут Тамара, можно Тома.

– Тамара, – многозначительно произнеся ее имя, заговорил я, – я согласен быть твоим демоном! А если серьезно? Можете звать меня Виталионти, а если просто, то Виктор.

Ну, а если мы захотим оставить наши имена на камне, то можно написать так: «Здесь были Тома и Вита».

– Вы всегда такой веселый? – спросила смеющаяся Тома.

– К сожалению, да.

– Ой, музыка кончилась, вы извините, но мне пора. Вы приходите завтра на это же место. Я буду вас ждать.

– Дай мне лапку на прощанье, встреча, вот мое желанье. До скорого свидания, дивная Тамара. Желаю тебе поскорее уснуть.

– Нет, я сразу не усну, мы перед сном с подругой делимся впечатленьями, истории разные рассказываем, мы уже переросли лагерь, это последняя смена, больше мы сюда не приедем.

– Поэтому ты и грустишь?

– Отчасти да.

– Ну, беги, а то опоздаешь.

И моя девушка, вдруг глубоко вздохнув, словно ночная бабочка, упорхнула вглубь темных кипарисов. Взглянув на небо, мне показалось, что я нахожусь под гигантским колпаком звездочета, такого низкого звездного неба я давно не видел. Поднимаясь по тропинке нашей горы, мне казалось, что я приближаюсь к звездам, но как только я поднялся на гору, то сразу услышал, как доблестный страж Семеныч, посвистывая, храпел. Ему подпевал хор цикад, и, схватив невидимую дирижерскую палочку, я, размахивая руками, направился к диктаторскому ложу. Засыпая, последнее, что я уви-

дел, это были белые штаны прожекторов, гулявшие над темно-синим морем. После столь пикантного конкурса аргонавты во главе с Гераклом отчаянно пытались сдаться в плен алуштинским амазонкам, но загорелые красавицы, верные лишь своим желаниям, не пожелали их брать в плен, а «морские девы», разбросанные вдоль побережья, им не понравились. Поздно ночью с опущенными мечами отряд возвратился в лагерь, они заняли всю ширину площадки, уснув на походных плотиках, под немыслимым для меня углом.

Пятнистое утро теплыми руками, словно морские раковины, открывает мои глаза. Мое зеленое, ивовое опахало, словно насмехаясь, отбрасывает пятнистую тень в противоположную сторону, и я в диктаторском гневе уже готов отдать приказ об использовании его на дрова. Но, неожиданно расплывшись в моих глазах, опахало осталось не наказанным, а там, где бетонные щипцы сжимают море и берег, мой ненасытный глаз тщательно перебирал, словно рис перед варкой, плескавшихся в ярких зеленоватых волнах веселых девушек.

Среди которых, возможно, была и моя девушка, но нет, нет, нет, скорее всего, она сидела на сухом деревянном топчане, отшлифованном загорелой шкуркой, и прилежно писала письмо, расположив тетрадку на сомкнутых загорелых коленях. Это на нее больше похоже, я так и вижу, как она во время пауз качает ножкой и дует на кончик авторучки,

поднесенной к нежным губам. Пробуждение аргонавтов на нашей горе временно прервало шлейф моих сладостных видений и, возвращаясь к диктаторским обязанностям, я решил отдать приказание приготовить завтрак, но после блистательной ночи на подмостках лагеря «Днепрорамзэс» я обнаружил пропажу голоса. И теперь, когда, казалось, я приблизился к моей юной деве так близко и, словно восточный сказочник, увлек ее своим сладкозвучным голосом, и оставалось только поймать ее в жаркие объятья, какой-нибудь южный верблюд, ведь спал я все-таки на тропе, в поисках колючки наступил на спящего вещателя, раздавив хрупкую погремушку моего всесильного голоса.

– Теперь он нам не соперник, его лишили голоса, так что он обезоружен, – злорадно заявил Андрей, слушая мое беспомощное шипение.

– Нет, это просто акклиматизация в тяжелых формах, – иронизировал Женя.

– Виктор, ты же спортсмен, где твоя закалка, только приехали, а он слег, – посмеиваясь, сказал Олег.

Да, да, да, мой дорогой читатель, я бессовестно заболел, но именно эти первые дни явились расцветом моего диктаторства. И, властно руководя приготовлением завтрака с диктаторского ложа, я отпускал красноречивые жесты, окутанные веселящим всех шипением. Женя, наш главный повар, решил приготовить манную кашу, уверяя всех, что это быстро и питательно. Он, словно шаман, крутился вокруг

«шмеля» с незакипающеи кастрюлей, отгоняя при этом мастера каши Семеныча. Волшебный примус, захлебываясь от зноя и пыли, не слушался чародейских заклинаний царского повара, пытавшегося извлечь магический огонь. И тогда я, издавая злое, голодное шипение, повелел добыть огонь древним способом, в двенадцать часов желтые языки огня слизывали кипящие капли с закопченной кастрюли, подрагивающей на бурых камнях, и наш запоздалый завтрак, переходящий в обед, наконец, настал. Медленно поднявшись с диктаторского ложа, я первый наполнил глубокую миску жирным густым супом. Обжигаясь и хлюпая, верные мне аргонавты наполняли питательной смесью спартанские желудки. Я надеялся, что горячий суп вернет мне венценосный голос и что я вновь, как райская, сладкозвучная птица, буду разливаться коварными трелями, но, к сожалению, чуда не произошло, нет, не произошло. Крутившийся вокруг очага Семеныч сообщил, что второе блюдо готово, и, не дав остыть горячим жирным ртам, мы продолжили затянувшеюся царскую трапезу. Я вновь первый наполнил диктаторскую тарелку картофельно-мясным блюдом и гордо, с несколько болезненной поступью, поднялся к ложу. Второе блюдо смогли съесть только искушенные в трапезе аргонавты, после чего главный повар Женя заявил:

– О, други мои, если мы все дни будем так пиршествовать, то наш «провиянт» скоро кончится. Ура!

Попивая чай, мое сытое шипение уже воздавало хвалу

алуштинскому краю, а ненасытные глаза обыскивали пустой пляж.

– Послушайте, мои ненасытные други, нам нужно сходить к местным купцам и пополнить съестные припасы, – весело сказал Женя.

– Я согласен, но «сухими» жить нельзя. Кувшин красного холодного вина ускорит ток в нашей крови, и обновленные силы помогут совершить новые подвиги! – гордо сказал Геракл.

Браво, Геракл, мысленно воскликнул я, ты достойный сын Греции, но, к сожалению, твои речи всегда расходятся с делами. В четырнадцать часов, когда я лежал на диктаторском ложе и терпел невыносимую болезнь, ниспосланную мне богами свыше, как великому Цезарю (эпилепсию), небольшой отряд бодро устремился к южным купцам. Мой телохранитель Орфей маялся на солнцепеке, и я больше не мог наблюдать, как он мучается вместе со мной, переживая невыносимую болезнь.

– Послушай, оставь меня солнцеликой озорнице, которая щекочет мне тело прозрачной золотой рукой. Ты можешь идти туда, где эта рука оставляет на молодых, гибких телах золотые следы и где море… – но Андрей не дал мне договорить, вернее, прошипеть свой монолог.

– Хватит, я не буду терять время на твои мазохистские издевки и отправлюсь немедленно, чтобы увидеть все собственными глазами, – отрезал он.

Стянув потуже хвост волос, он надел коричневую шляпу с лихо загнутыми полями и, находясь в красных шортах и сандалиях, накинул на плечи овчинный тулуп. И скоро его всеядная душа устремилась в мир эротических фантазий. Воинственно прошагав по побережью, он пересек границу нудистов или, как их еще называли, «нудных». Но мерещившиеся колокольные груди и пышные бедра на сей раз ускользнули от всеядного гурмана и, желая увидеть удивительное, он сам вызвал удивление на заполненном одними голыми парнями нудистском пляже. И после горестного возвращения, метаясь по лагерю, Орфей в раздражении обозвал нудистский пляж клубом «голубые устрицы» и, сняв тулуп с взмокшего тела, повесил его на проклятое мной опахало. Капли пота текли по его красной груди, и он с досадой говорил о том, что ему обещают одно, а он видит другое. Шутя, я заверил Андрея, что на пляж пригонят нудистских рабынь в ближайшие дни, и после моих слов он задумался. Весь солнечный день, включая и обед, я провел на царственном ложе, читая о мудром Сократе. А в нашем лагере шла повседневная воинская жизнь, аргонавты ходили за водой, рубили дрова, разводили костер, повара готовили обед, а светлейшему диктатору обещали танцы диких алуштинских амазонок. В десять часов вечера, надев «царские одежды» в южном стиле, я в сопровождении двух приближенных, главного повара Жениила и могучего Геракла, отправился в путь на вечернюю церемонию (дискотеку). Посетив одну девичью келью,

нас скромно угостили чаем и местными лепешками, наши студенточки несколько взволнованно готовились к танцам, а разговаривая о своих делах, поглядывали на молчаливого диктатора. Женя шепотом интересовался о моем выборе, но я не видел той, которая полностью сосредотачивает мужской взгляд, превращая мужчину в охотника. Пока мы сидели и чинно пили чай, наш Геракл слетал к дискотечной «богине» и, обнаружив ее танцующей на диско-сцене, разочарованный, вернулся к нам. Если описывать студенток, у которых мы были в гостях, то все они были в «гётевском стиле», каждая была хороша лишь отдельной гармоничной частью. Равнодушие, с которым я вхожу на дискотеку, отлично меня маскирует, мои приближенные покидают своего диктатора, и я направляюсь в царскую ложу. Расположившись в середине седьмого ряда, я наблюдал, как горлодер диско-жокей, ухая, пухая, гикая, объявлял очередную песню, а затем, отпрыгнув от микрофона, извивался вместе с двумя танцовщицами под оглушительные звуки диско-орудий.

Танцовщица, с которой познакомился Геракл, имела популярный успех среди местных атлетов, и поэтому мой воинственный друг решил не тупить меч из-за красотки. Мне же Геракловы страсти совсем не мешали любоваться девушками; одетые в рубашки с коротким рукавом, завязанные на узел, и пикантные, джинсовые шорты, они, извергая волнистые движения животом, играли пышными грудями, на которых прыгало несколько разноцветных бус. Плотно наби-

тая танцплощадка восторженно их приветствовала, не отрывая глаз от сцены, толпа свистела, кричала и размахивала в воздухе руками, реагируя на каждое движение диско-дев. Не знаю, кто больше получал удовольствие, танцующие студенты или зрители на рядах, но ясно было одно, что идет мощный заряд от сцены и к тем, и к другим. Два местных легионера, одетые, как десантники, в гимнастерки и береты, подергивая плечами и руками, каждую минуту делили танцующий круг диагональными взглядами. Стражи порядка уверенно протискивались сквозь танцующих, ища нарушителя, как любимую девушку. И мне показалось, словно они хотят создать конфликтную ситуацию, чтобы скомпрометировать мою светлейшую особу на вечерней церемонии. Но мои приближенные поспешили рассеять одинокие думы появлением с двумя очаровательными девушками. Оля с Ириной были одного росточка, слегка полноватыми и непоседливыми девушками, ищущими приключений без особых драматических последствий для своих неприкосновенных личностей. Характеры у них были разные, Оля несла в себе грустную сосредоточенность и общалась с вами, держась за нее одной рукой. Ирина, пряча истинные чувства под улыбающейся лисьей маской, смотрела на вас откуда-то изнутри осторожным взглядом, опознавая в вас друга или врага. Вечерняя церемония подходила к концу, мои приближенные танцевали с представленными мне особами, а я, меняя положение головы, примерял взглядом на остроконечные кипарисы, рассы-

панные в ночном небе яркие звезды. По окончании каждой дискотеки в «МЭИ» по старой традиции студенты, обнявшись, пели гимн лагеря, правда, пели, естественно, не все, но кто не пел, тот с удовольствием обнимался. В двенадцать часов ночи раненые осколками диско-снарядов, разгулявшиеся студенты отходят ко сну, а гостей местный военачальник в дружеской форме просит покинуть лагерь. Студентки в «гётевском стиле», шатер которых мы посетили, пригласили нас на ночное купание. После горлодера диско-жокея, а для меня лично погонщика диких лошадей, черный бархат спокойного моря с трепетавшей по краям белой пенистой бахромой нес мраморное успокоение душе. Спустившись по бетонной лестнице, мы пошли по отшлифованной гальке, и каждый шаг звучал, словно кто-то рассыпал рис, и только волноломы, словно огромные щипцы, зловеще поблескивали в ночном море. Наши гётевские спутницы, медленно сняв одежды, нагими телами разорвали черный бархат моря. Невдалеке выкупались и мы, но чья-то невидимая рука сомкнула притаившиеся щипцы, и все мы стали жертвами патрулирующих пляж местных легионеров. Вооруженные факелами (фонариками), они не без удовольствия засветили мечущихся в предательски прозрачном море гётевских богинь, нарушавших табу на ночное купание в лагерной зоне. Укрываясь махровыми полотенцами, опустив мокрые головы, девушки послушно слушали нотацию местного предводителя, окруженного улыбающейся свитой. И вот когда я

надел свои «царские одежды», грубая охрана приблизилась к нам, очевидно ожидая физического сопротивленья. Он сразу обратился ко мне, почувствовав во мне родственную предводительскую душу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.